

## ИДЕИ ФИЛОСОФИИ ФРИДРИХА НИЦШЕ В ТВОРЧЕСТВЕ КАЛЛИСТРАТА ЖАКОВА

**Г.К. Лисовская**, научный сотрудник  
Российская академия наук  
(Россия, г. Сыктывкар)

***Аннотация.** В данной статье сделана попытка исследовать воздействие философии Фридриха Ницше на становление художественного сознания коми философа и писателя начала XX века К.Ф. Жакова (1866-1926). Показана трансформация ключевых идей германского философа (идея сверхчеловека, концепция дионисизма) в литературном мифотворчестве К.Ф. Жакова.*

***Ключевые слова:** Жаков, Ницше, творчество, мифологема сверхчеловека, мифологема странника, притча, сказка, аполлонийско-дионисийские оппозиции.*

Личность Ницше и его философия неотделимы от российского самосознания с момента появления его идей на русской почве. В начале XX века, когда творил коми философ и писатель К.Ф. Жаков, германский философ имел беспрецедентное влияние на все аспекты культурной жизни российской интеллигенции. Н. Бердяев писал об этом времени: «Это была эпоха пробуждения самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания» [1, с. 149]. У русских писателей было чувство «тревоги будущего» [8, с. 20]. Они считали себя предтечей грядущего нового человека. Литературным последствием подобного синдрома явилось появление мифов о грядущем социальном или духовном преображении. Философия Ницше давала толчок литературному мифотворчеству в России прежде всего через мифологему сверхчеловека и концепцию дионисизма.

Учение о сверхчеловеке явилось центральным пунктом творчества Ницше. Кто он – сверхчеловек? Сам философ никогда не выходил за рамки поэтической символики и знаковой образности при описании его: «Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля скажет: «Да будет сверхчеловек смыслом земли»; «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно преодолеть»; «Человек – это канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, канат над пропастью»; «Я хочу показать людям смысл их бытия; смысл

есть сверхчеловек, молния из тёмной тучи человека» [9, с. 10-11].

Мифологема сверхчеловека тесно связана с мифологемой дионисийской. Культура начала XX века обратила внимание на оппозицию аполлонийского и дионисийского начал в эллинской культуре, известную по диссертации Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Германский философ увидел в греческих богах Аполлоне и Дионисе – живые образы представителей двух основных первоначал мира – аристократического совершенствования и растворения в стихии, в хаосе, – противоположных как в своем глубочайшем существе, так и в своих высших целях. Размышления Ницше о «братском союзе двух божеств» оказали судьбоносное влияние на теоретиков русского символизма (Вяч. Иванов, А. Белый, Д. Мережковский и др.).

Зырянин Жаков, духовные искания которого пришлись на начало XX века, также не мог пройти мимо философии Ницше. Создатель оригинальной философской системы лимитизма был философом не только по роду деятельности, но и как человек раскованной, свободной мысли, мучительно и страстно пробивавшейся к первоистокам, первоначалам мысли и бытия. «В мятущейся душе этого неутомного искателя истины, влюбленного в науку до полного самозабвения, было что-то фаустовское: тот же пылкий ум, без устали вопрошавший природу, та же дерзновенная мечта проникнуть в ее сокровенные тайны, та же неутомимая жажда все по-

знать, все изведать, то же отчаяние в ценности нации, та же мировая скорбь и томление мятежного духа по «горным мирам». Проклятые вопросы не были для Каллистрата Фалалеевича «сухими академическими проблемами»: он болел ими, скорбел о них всем сердцем, переживая мировую трагедию, как личную потрясающую драму», – так писал в 1926 году в статье «Зырянский подвижник науки» С.О. Грузенберг [3, с. 485]. Очень немногочисленна плеяда мыслителей, которых влекут непроницаемые бездны души человеческой, иррациональные глубины жизни. И Ницше и Жаков из их числа.

Жакова роднит с германским философом стиль мышления, стремление мыслить вне скованности готовыми формулами, отрицание сухого схематизма и самодовольной цеховой учёности. Их мысль лирическая, их размышления окрашены сугубо личными, интимными переживаниями. Здесь есть человеческая подлинность – это первое, что объединяет двух философов. «Лирическим аутсайдером» называют исследователи Ф. Ницше [10, с. 182], но таким же аутсайдером и маргиналом от философии до конца жизни оставался и зырянский философ.

Для обоих философов характерна эмоциональная напряженность стиля, персонафикация идей, обращение к прошлому как перспективе будущего. Жаков, как и Ницше, пишет не для современников, а для будущего. «Напрасно говорят мне друзья, чтобы спокойно писал я, чтобы озирая литературные произведения, примерялся к вкусам современников. ...Я не могу слушать современников, ибо не знаю, что будет ценить потомство: литературу или правду, а ведь всякий пишет преимущественно для потомства...» [7, с. 150].

Жаков убежден, что без художественной фантазии, без захватывающего всего человека творческого импульса нет ни философии, ни жизни. «Ученые постигают лишь скелет жизни, а всемирный сказочник, странник неба и земли, – он видит, и слышит и знает великое, нежное творчество природы и предчувствует намерения Бога!» – пишет он в рассказе «Миликар и Леонелла» [6, с. 222]. Лишь творчество

способно спасти человека, полагает Жаков, оно выше жизни: «Человек свободен, ибо в нем энергия – воля – идея, творческое начало», творчество – это «преодоление «трагедии познания» мечтою» [7, с. 106].

Писатель использует открытия Ницше для выражения философских идей через миф, притчу. «Кто пишет кровью и притчами, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть», «в горах кратчайший путь – с вершины на вершину... притчи – те же вершины...», писал Ницше в книге «Так говорил Заратустра» [9, с. 39, 24]. Романтическая эстетика работы немецкого философа нашла творческое преломление в новеллистике писателя – рассказах «Жизнь Пама Бур-Морта» (1905), «Ей Морт Мили-Кили» (1909), «Тогай» (1910), «Беженада-Вирси Угро» (1911), «Золотая сказка» (1911), «Сказка серебряная» (1911) и др., а также в его итоговом произведении – романе «Сквозь строй жизни» (1912-1914) через обращение к проблемам личности, в том числе к избраннической миссии отдельной личности. Главное, что рождает творчество, по мнению Жакова, – «идею сильной личности, преодолевающей все преграды», «стойкость личности, самобытность и самоцветность воспою я в сказках своих, человека нового», «сильные люди в моих повестях странствуют по земле и ищут смысла жизни» [7, с. 109, 110, 193]. Жаков согласен с утверждением Ницше, что «человек есть нечто, что должно преодолеть» [9, с. 41]. Стремлением к идеальному человеку, свободному от пороков цивилизованного общества, объясняется мечта немецкого мыслителя сверхчеловеке, и она подхватывается Жаковым: «Идите все к сверхчеловеку, и мы преодолеем «недуги мира» [6, с. 105]. Жаков, как и за Ницше («люди измельчали и мельчают еще больше») [9, с. 145], пишет о слабости, лживости, никчемности цивилизованных народов (рассказы «Тогай», «Беженада-Вирси-Угро»). Этим людям противостоит сильная, яркая личность, не испорченная цивилизацией. Однако трактовка личности отличается от той индивидуалистической, которую проповедует автор «Заратустры».

«Жить собственным я, чему учит нищезнание, и что вытекает из неокантианства, русский герой не может...», – утверждает писатель в статье о Л. Андрееве [5, с. 19]. Если для притчи главное – душевные переломы, связанные с этическим выбором, то герои Жакова делают выбор в пользу единства с другими людьми. В притче «Золотая сказка» одинокий человек, восходящий на гору (любимая символика Ницше – Г.Л.), преодолевая трудности, обретает небесную мудрость и возвращается к людям. Гордый и нелюдимый человек из притчи «Сказка серебряная», испытывает множество соблазнов – властью, славой, богатством, понял, что все это тяжести мира, и что нет ничего прекраснее, чем жить рядом с простыми людьми, трудиться и любить. Обретя мудрость земную и небесную, вернулся к людям в родные места Пам Бур-Морт из рассказа «Жизнь Пама Бур-Морта» и стал добрым пастырем для своего народа. Для Жакова избранная личность – это человек, который призван к великому труду во имя людей. В космогоническом мифе «Ен и Омоль» (1910) он показывает появление совершенного человека как итог всего развития планеты, смысл земли, а когда ушел совершенный человек, земля поблекла, «она уже исполнила свое предназначение» [6, с. 195].

Вслед за Ницше несовершенство человека и несовершенство мира, а также возможность их преодоления, коми философ выводит из аполлонийско-дионисийских оппозиций как противоположных начал в жизни и культуре. На страницах его работ не раз появляется их осмысление. Для исторического развития России характерна циклическая смена эпох, смена культур, «ритм общий для всех народов, – колебания между двумя полюсами – поэзией Аполлона – светозарной, оптимистической и поэзией Диониса – мрачной, пессимистической... Теперь (1911 год – Г.Л.) мы находимся на низшей волне», – говорит Жаков в одной из своих публичных лекций, которая так и называется «Поэзия Аполлона и Диониса» [4]. По его мнению, расцвет поэзии Аполлона – в творчестве Пушкина, «зарю нового поэтического творчества» Жаков видит в Толстом, но не

в авторе «Войны и мира» и «Анны Карениной», а в авторе сказок, ибо «в них истинная поэзия, реальный оптимизм». В своих произведениях писатель показал гибельность дионисийства. Огромна и чудесна основная тайна Аполлона – счастье в неведении, трагичен разум, желающий знать истину, устремленный в бездны непознаваемого в рассказах «Уриила» (1905), «Из иньвенских былей» (1912), «Марья Севастьяновна Оплеснина» (1913) и других.

В каждом из мятущихся героев этих текстов ощущается беспокойный дух самого Жакова. Наиболее полно единство и борьбу Диониса и Аполлона как первоначал своей собственной личности он раскрыл в автобиографическом романе «Сквозь строй жизни». Трагедия духа присутствует в Гараморте – мифологизированном автобиографическом персонаже уже изначально, кармически. Дионисийский хаотический «избыток сил» заложен в нем по линии матери – Устиньи. Особенно ярко он представлен в ее брате – Нялае. Это человек «быстрого и великого ума, но еще более великой страсти», «тесно ему было на безлюдном, однообразном севере» [7, с. 46]. «Оргийное безумие» Нялая – от взрыва накопившихся сил, не находящих выхода. От него получил Жаков – Гараморт «неистовый жар души, безумие и храбрость» [7, с. 44]. Да и импульс к творчеству дал тот же нялаевский «переизбыток» чувств, мыслей, стремлений. Итоговый роман писателя отражает стихийную природу его творчества, о чем сам Жаков пишет так: «Его книга пестрит скобками. Она хаотична», – скажут многие, читая «Сквозь строй жизни». – Ну так что ж, – отвечаю на это я. – Разве природа не плачет и смеется в одно и то же время?... » [7, с. 306]. Однако всю свою жизнь писатель стремится изменить свою природу, преодолеть в себе ницшевский «пессимизм силы», стремится к ясной мудрости своего отца и жалеет, что «лишь малая часть мудрости» перешла ему от Фалалея, «малая часть прометеевской прозорливости озарила» его «темную, глубоко страдающую душу» [7, с. 64]. «Моя душа из хаоса стремится быть личностью, воля хо-

чет господствовать над моими страстями, разум борется с безумием, самообладание с неистовым порывом...» [7, с. 119]. Амбивалентность автобиографического персонажа романа «Сквозь строй жизни» зашифрована в его имени. Оно образовано от слов “гара” (в ижемском диалекте коми языка это – переплетенный, двойной, например, о нити) и “морт” (человек), т.е. двойственный человек. А вот что пишет в своей автобиографии Ницше: «Происхождение мое двойственное... поскольку во мне мой отец, я уже умер, поскольку моя мать, я еще живу и мужаю...» [2, с. 223]. Итог борьбы с самим собой и с внешними обстоятельствами один философ поведал миру в символично-мифологическом, философском романе «Сквозь строй жизни», другой – в символично-мифологической, философской поэме «Так говорил Заратустра».

Жаков откликается на ницшевский призыв к активности, к самоусовершенствованию, к устремленности вперед: «Я возделываю человека в себе...», «Мне нужно познать себя... О как трудно найти самого себя» [7, с. 10] и цитирует немецкого философа: «Где твое право искать дорогу к самому себе? ... Где твое первое движение, в чем твоя инициатива?» [7, с. 171].

Географические образы, используемые Ницше в качестве метафоры духовного ландшафта (пустыня, горы, долина) – восхождения и спуски, связанные с интроспекцией, поиском судьбы появляются и в романе Жакова. Мифологема странника – основная в обоих текстах. Гараморт, как и Заратустра – изгнанник и скиталец (Заратустра: «Ты, уединение, – отчизна моя», «Я странник, неустанно восходящий на гору»; [9, с. 162, 292]; Гараморт: «Родины моей нет не только на земле – везде я чувствую себя как чужеземец», «Я странник, бесконечность – моя родина» [7, с. 92, 182]). В конце концов интроверт и маргинал Гараморт, как и ницшевский персонаж, становится проповедником и мудрецом, Певцом и Учителем. Главный

итог своей жизни один обозначил так: «Смотрите, я – провозвестник молнии, я тяжелая капля из грозовой тучи, а имя той молнии – Сверхчеловек» [9, с. 13], другой пользуется той же символикой, когда говорит о себе, что он блуждал, «словно тяжелая туча, между прошлым и будущим, для того, чтобы родить молнию. Молния – творческое начало духа моего» [7, с. 283].

Несмотря на большую близость образов Гараморта и Заратустры, нельзя считать лирическое «Я» Жакова в этом произведении полностью «олитературенным», варьирующим образ Заратустры. Искания коми писателя глубоко укоренены в национальную почву, в этом жизненность его рефлексии. Гараморт стал воплощением зырянской души в ее исконном, архетипическом проявлении. Он несет в себе черты мифологических персонажей из других произведений Жакова – это трагически одинокий Шыпича, отпавшие от рода Беженада-Вирси-Угро и Тогай, искатели истины Джак и Качаморт и премудрый Пам Бур-Морт, творящий свою судьбу.

Жаков был среди тех, кто, вдохновленный германским философом, обратился к подсознательным творческим импульсам, идущим из вневременных глубин как к источнику для создания новой культуры. И он был первым, кто в своем творчестве показал первоначала зырянского духа в переплетении и борьбе хаоса и космоса: мрачного беспокойства и стихийной мощи – с жаждой жизни и жаждой знания.

Жаков не только прорывался к тому бессознательному, что формировало его личность, но и сознательно строил себя, свой духовный мир, истово мечтая, как и Ницше, стать провозвестником нового, гармоничного человека.

И как Ницше определял философско-эстетическое сознание России конца XIX – начала XX века, так «Зырянский Фауст» присутствует в сознании национальной интеллигенции конца XX – начала XXI века – как миф, символ и катализатор духовных исканий.

### Библиографический список

1. Бердяев Н. Самосознание / Опыт философской автобиографии. – М.: Книга, 1991. – 416 с.
2. Вересаев В. Живая жизнь. – М.: Политиздат, 1991. – 448 с.
3. Вестник знания. – 1926. – № 7.
4. Вологодский листок. 1911. – № 276.
5. Жаков К.Ф. Леонид Андреев и его произведения // Андреев Л.Н. Рассказ о семи повешенных. – СПб., 1909. (Прилож. к журн. «Ясная поляна». – 1909. – №3).
6. Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. – СПб.: Грамотность, 1913. – 463 с.
7. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Роман. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 384 с.
8. Ключ Э. Ницше в России: Революция морального сознания. – СПб.: Академический проект, 1999. – 165 с.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – М.: Интербук, 1990. – 342 с.
10. Ф. Ницше и философия в России. – СПб., 1999. – 382 с.

### IDEAS THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH NIETZSCHE IN THE WORKS KALLISTRATA ZHAKOVA

**G.K. Lisovskaya**, *researcher*  
**Russian academy of sciences**  
**(Russia, Syktyvkar)**

***Abstract.** This article attempts to investigate the impact of the philosophy of Friedrich Nietzsche on the artistic consciousness of the Komi philosopher and writer of the early twentieth century by K.F. Zhakov (1866-1926). Shows the transformation of the key ideas of the German philosopher (the idea of the Superman, the concept of dionysism) in literary mythmaking K.F. Zhakov.*

***Keywords:** Zhakov, Nietzsche, creativity, myth of Superman, the myth of the wanderer, parable, fairy tale, Apollonia-Dionysian opposition.*